

СТАВКА НА ПРОИГРЫШ

ГЛАВА 1

Письмо из «Тэлли» пришло в тот день, когда погиб Берт Чехов. Самое обычное письмо-предложение из иллюстрированного журнала — написать статью о скачках на Золотой кубок. Я перебросил конверт через стол редактору спортивного отдела и продолжал разбор почты, которая всегда накапливалась к моим приходам по пятницам. Люк Джон пробурчал нечто нечленораздельное и вяло протянул руку к конверту, рассеянно моргая при этом в ответ на какой-то бесконечный монолог по телефону.

— Да, да... сорви с них покровы, — сказал он.

Срывание покровов было генеральной политикой «Санди блейз», да будет благословенно ее черствое сердце. Моя теща часто спрашивала, почему я не пишу для «Санди таймс», вместо того чтобы строчить репортажи для такой драной подстилки, как «Санди блейз»? Да больно я им нужен — вот почему. Понять это она была не в силах и всякий раз, когда на нее «накатывало», принималась оправдываться перед любым встречным и поперечным за мою службу. О том, что в «Блейз» платили на двадцать восемь процентов больше, чем в «Таймс», и что содержание ее дочери влетало мне в копеечку, она почему-то забывала.

Я вскрыл дешевый коричневый конверт — какой-то придурак сообщал, что только безнравственные и беспринципные халтурщики вроде меня могут хорошо отзываться о человеке, за которого мне пришлось вступить в воскресном репортаже. Письмо было написано на туалетной бумаге, и злоба сочилась из него, словно болотный газ. Дерри прочитал его, стоя у меня за спиной, и рассмеялся:

— Говорил же тебе — расшевелишь осиное гнездо!

— Мне только повод дай влезть в неприятности, — согласился я.

Дерри строчил прилизанные нейтральные статейки в еженедельник, благополучно сплавляя мне материалы, возмущавшие спокойствие граждан. Спина у меня, постоянно твердил он, шире.

Еще восемь корреспондентов выражали примерно такое же мнение. И все, разумеется, анонимно. «Проблем у них, — решил я, сбрасывая письма в корзину для бумаг, — было куда больше, чем у меня».

— Как жена? — осведомился Дерри.

— Спасибо, прекрасно.

Не глядя в мою сторону, он кивнул. Ему никак не удавалось преодолеть некоторое смущение в разговорах об Элизабет. И не ему одному.

Разговор Люка Джона вышел на финишную прямую:

— Непременно, обязательно... Позвоню... Самое позднее в шесть. — Он повесил трубку и с профессиональной скоростью пробежал глазами письмо из «Тэлли». — «Глубокое исследование»... До чего обожают эту фразу шикарные журналисты! Хочешь заняться?

— Если заплатят прилично.

— Я думал, ты все еще бьешься над биографией Бастера Фигга.

— Застрял на шестой главе. Мой герой ускользнул на Багамские острова и не оставил материалов.

— И сколь глубоко ты успел погрузиться в его ужасную и ничтожную жизнь?

— Дошел до конца ученичества и первой победы в классических скачках.

— Это купят?

— Не знаю, — вздохнул я. — Его интересуют только деньги. Все, что он помнит о скачках, — это стартовые ставки. Они доходили до тысяч. Просил написать о самых крупных его выигрышах. Считает, что теперь, когда он удалился от дел, лицензию отобрать не имеют права...

Люк Джон сопел, потирая веснушчатой рукой резко выступавший на шее кадык, и, опустив тяжелые веки, изучал письмо из «Тэлли». В моем контракте с «Блейз» были свои ограничения: сочинять книги — пожалуйста, сколько угодно, но для того, чтобы написать статью для другого журнала или газеты, требовалась санкция Люка Джона, добиться которой было нелегко.

Дерри толкнул меня со стула и уселся на него сам. Бывая в конторе только по пятницам, постоянного места я не имел и при каждом удобном случае пользовался столом моего более юного коллеги. В верхних трех ящиках у него хранилась настоящая библиотечка из программ скачек, а также полбутылки виски, в нижнем — сотни две бумажных пурпурных сердечек и каталог порнографических фильмов — свидетельство того, каким лихим парнем хотел казаться Дерри, а совсем не тем законопослушным, умеренным и несколько отрешенным молодым человеком, каким был на самом деле.

Облокотившись на край стола, я вслушивался в стрекот пишущих машинок и телефонный перезвон — неделя катилась к субботе. По вторникам учреждение замирало, в субботу здесь, казалось, гудит целый рой растревоженных ДДТ мух. По пятницам я сидел в «Блейз», по субботам ходил на скачки. Воскресенье и понедельник — официальные выходные. Со вторника по четверг я измышлял какую-нибудь возбуждающую умы тему и писал. По пятницам относил материал Люку Джону, а потом редактору — читать и править.

Результат — тысяча слов в неделю, груды бранных писем и чек, не покрывающий и части моих расходов.

Люк Джон поднял голову:

— А кто у нас идет на скачки, ты или Дерри?

— Я! — выпалил Дерри в ту же секунду.

— Ты как, Тай, не против? — вопросительно взглянул на меня Люк Джон.

— Нет, конечно. Это сложный гандикап, как раз по его части.

Люк Джон поджал и без того тонкие губы и (неожиданная щедрость!) вымолвил:

— В «Тэлли» хотят всю подноготную, намеками тут не отделаться. Что ж, почему бы тебе и не поработать на них, коли есть желание?

В нижнем углу листа он нацарапал жирное «о'кей» и подписался.

— Только уж будь другом: если раскопаешь какую тухлятину, попридержи для нас, — добавил он.

«Вот она, цена твоему проклятому благородству», — желчно подумал я. Душа Люка Джона всецело принадлежала «Блейз», и пробным камнем всех решений было: может ли данное дело

прямым или косвенным образом сослужить службу газете? Вре-
мя от времени одного из служащих спортивного отдела безжа-
лостно приносили в жертву на этот алтарь. Отсроченные отпуска,
несостоявшиеся свидания, упущенные возможности — ничто
не останавливало его ни на миг.

— Само собой, — коротко ответил я. — И спасибо.

— Как жена? — спросил он.

— Спасибо, прекрасно.

Он исправно задавал мне этот вопрос каждую пятницу. Почему бы и не проявить внимание и чуткость, тем более что «Блейз» это ничего не стоило? А может, это и впрямь его интересовало? Интересовало лишь в той степени, что, если она чувствовала себя не «прекрасно», могла пострадать работа.

Я завладел телефоном Дерри и набрал номер.

— Журнал «Тэлли». Чем могу служить? — Девичий голос, ровный, утомленный, с западнокентским акцентом.

— Я хотел бы поговорить с Арнольдом Шенкертоном.

— Простите, кто его спрашивает?

— Джеймс Тайрон.

— Минуту... — Щелканье, пауза. — Соединяю.

Столь же ровный, интеллигентный голос провозгласил себя Арнольдом Шенкертоном из отдела очерков. Я поблагодарил за письмо и сказал, что готов принять предложение. В меру приветливым тоном он проронил, что это очень мило с моей стороны, а я в свою очередь добавил:

— Если, конечно, оплата будет приличной.

— Ну разумеется! Сколько вы хотите?

«Придумай цифру и помножь на два».

— Двести гиней плюс расходы.

Люк Джон приподнял брови, а Дерри присвистнул.

— Вы разбогатеете!

— Наши доходы весьма ограничены... — с оттенком жалобы заметил Шенкертон. — Сто гиней — абсолютный предел.

— Я плачу слишком большие налоги.

По проводу донесся тяжкий вздох.

— В таком случае — сто пятьдесят. Но очерк должен быть на уровне.

— Постараюсь.

— От вашего старания журнал прогорит. Нам нужны стиль и интуиция, а не скандал. Ясно?

— Ясно, — согласился я, нимало не обидевшись. — На сколько слов?

— Это основной материал. Примерно три с половиной тысячи.

— А иллюстрации?

— Закончите работу, и я свяжу вас с одним из наших фотографов.

— Прекрасно, — вежливо заметил я. — Каковы сроки?

— Номер идет в печать... так, сейчас посмотрим... двадцатого ноября. Значит, материал мы должны получить самое позднее утром семнадцатого. Но чем раньше, тем лучше.

Я взглянул на настольный календарь. До семнадцатого десять дней.

Люк Джон бросил мне письмо через стол, но Дерри перехватил его и пробежал глазами.

— «Глубокое исследование», — иронически скривил он губы. — Что ж, тебе не привыкать к глубинам. Там ты чувствуешь себя как дома.

— Да, — рассеянно согласился я. — Но стоит ли погружаться из-за ста пятидесяти гиней?

Мне неожиданно пришло в голову, что интересно было бы извлечь из глубин людей, обычно остающихся в тени. Имена звезд подолгу не сходят со страниц прессы. Подпольные же звезды не фигурируют в разделе новостей. Надо же хоть иногда вытаскивать их на свет божий!

Пару раз подобного рода оригинальные идеи уже приносили мне неприятности. Но что решено, то решено. Тогда я и понятия не имел, чем все это закончится.

К часу дня Люк Джон, Дерри и я утрясли все свои делишки и под мелким морозящим дождем отправились в бар «Девере», что в Девере-корт, напротив Дворца правосудия.

Там уже сидел Берт Чехов и, обжигая пальцы о спички, тщетно пытался разжечь свою старую вонючую трубку. Его тушу обтягивал бесформенный твидовый пиджак, как всегда щедро обсыпанный пеплом, на ногах красовались стоптанные, запыленные

ботинки. Водянистые голубые глаза Берта блестели ярче, чем полагалось бы в этот час и в этом месте, — видно, ланч у него начался минут на сорок раньше, по самым скромным моим подсчетам.

Люк Джон поздоровался с ним, но он ответил лишь мутным, ничего не выражавшим взглядом. Дерри принес каждому по полпинте и вежливо пригласил Берта присоединиться, хотя не питал к нему особого расположения.

— Двойной скотч, — буркнул Берт. Дерри, по-видимому, вспомнил о своих закладных и помрачнел.

— Как дела? — осведомился я и тут же спохватился: Берт был поистине неистощим по части жалоб и воркотни.

Однако на этот раз плотина была перекрыта. Он с усилием сфокусировал на мне водянистый взор, и еще одна спичка обожгла ему пальцы. Он, казалось, и не заметил.

— С-с-совет тебе дам, — пробормотал он и тут же замолчал. Совет остался при нем.

— Ну так выкладывай свой совет, — предложил Люк Джон. — Он ему всегда пригодится.

Чехов перевел взор с меня на моего босса и рыгнул на всю катушку. Бледное лицо Дерри брезгливо искривилось, и Берт это заметил.

«И вот так каждую пятницу, и в следующую тоже», — подумал я, но ошибся. Берту Чехову оставалось жить меньше часа.

Люк Джон, Дерри и я сидели на табуретках у стойки и поглощали холодное мясо с маринованным луком, а Берт, покачиваясь, стоял сзади, выпуская трубочный дым и пары виски нам в затылки. Время от времени он издавал нечленораздельное мычание, сопровождавшее, по-видимому, ход его мыслей.

Что-то с ним неладно. Но меня это мало заботило: своих проблем по горло!

Люк Джон взглянул на Берта с состраданием и предложил еще виски. Алкоголь затопил мутно-голубые глазки, сократив зрачки до величины булавочной головки, что придавало взгляду совсем уж бессмысленное выражение.

— Пойду-ка, пожалуй, провожу его до конторы, — неожиданно для самого себя предложил я. — Не то еще под автобус угодит.

— И поделом ему, — тихо, чтобы не услышал Люк Джон, прошептал Дерри.

Ланч завершился сыром и второй кружкой пива. Чехова молотало из стороны в сторону, и он опрокинул содержимое моей кружки на брюки Дерри и на ковер. Ковер воспринял это стоически, чего нельзя сказать о Дерри. Одним глотком я допил пиво и принялся подталкивать Берта через толпу к выходу.

— Бар еще не закрыт, — неожиданно отчетливо проговорил он.

— Для тебя закрыт, старина.

Он привалился к стене, размахивая трубкой, зажатой в пухлом кулаке.

— Никогда не уходи из пивной до закрытия. Никогда не бросай рассказ незаконченным. Никогда не держи женщину на пороге дома. Абзацы и юбки должны быть короткими, а фазаны и грудки — пухленькими.

— Точно, — вздохнул я. Вот тебе и совет!

Я взял его под руку, и без особых помех мы выбрались на тротуар Флит-стрит. Нетвердое наше продвижение в сторону Сити вызвало немало косых взглядов, но к столкновениям не привело. Слитые воедино, мы перешли улицу и двинулись на запад вдоль знаменитых фронтонов редакции «Телеграф» и черных стеклянных витрин «Экспресс». Флит-стрит немало повидала на своем веку, и пожилой репортер, накачавшийся, словно бурдюк, вином во время ланча, был никому не интересен.

— Совет, — сказал он вдруг, резко остановившись. — Небольшой совет.

— Ну? — терпеливо спросил я.

Он скосил на меня глаза:

— А ведь мы прошли мимо «Блейз».

— Ага.

Он попытался развернуть меня в обратную сторону.

— У меня дело в Лудгейт-серкус. Нам сегодня по пути, — солгал я.

— П-правда?.. — Он рассеянно кивнул, и мы потащились дальше. Еще через несколько шагов он снова остановился. — М-м-маленьки-ий... совет...

Он смотрел прямо перед собой. Я был уверен, что он ничего не видит, не замечает уличной суеты. Ничего, кроме какой-то одной навязчивой мысли, его не занимало.

Мне надоело ждать совета, который никак не мог материализоваться. Стало опять капать. Я взял его под руку и попытался протащить последние оставшиеся до дверей редакции пятьдесят ярдов. Он не стронулся с места.

— Запомни последние слова, — вдруг сказал он.

— Чьи?

— Мои, ясное дело... Запомни последние слова. Маленький совет...

— Непременно, — вздохнул я. — Вымокнем тут.

— Я не пьяный.

— Ну конечно.

— Могу написать свою колонку в любую минуту. Хоть сейчас.

Он пошатнулся, и мы направились ко входу в редакцию. Еще три ступеньки, и он будет в тепле, в безопасности. Покачиваясь, он стоял у дверей.

— Если кто попросит, — выдал он наконец, — не соглашайся.

По бледному мясистому лицу пробежала тень озабоченности. Нос был усеян крупными порами, на подбородке проступала жесткая черная щетина.

Рука его скользнула в карман, и выражение озабоченности сменилось радостной гримасой, когда она вновь вынырнула на свет божий с наполовину недопитой бутылкой виски.

— Надо же, а я уж думал, что потерял... — пробормотал он.

— Ладно, пока, Берг!

— Не забывай, помни мой совет!

— Ладно. — Я уже повернулся, как вдруг он сказал:

— Тай!

Мне это надоело.

— Ну что еще?

— С тобой этого не случится. Ты не допустишь... я знаю, но иногда именно самые стойкие попадают в худшие переделки. Я хочу сказать... Они не понимают, где надо остановиться.

Внезапно он качнулся вперед и ухватился за лацканы моего пальто. В нос мне ударил запах перегара, горячее дыхание смешивалось с сырým воздухом.

— Ты вечно будешь нищим из-за этой твоей... жены. Люк Джон мне рассказывал, я знаю. Вечно без гроша, будь я проклят. Но не соглашайся, не продавай свою бессмертную душу!

— Ладно, постараюсь, — устало пробормотал я, но он, казалось, не слышал.

С параноической настойчивостью, свойственной сильно пьяным, он продолжал:

— Сначала они покупают тебя, потом шантажируют...

— Кто?

— Не знаю... Только не продавай... не продавай свою колонку!

— Не буду! — вздохнул я.

— Я тебе серьезно говорю. — Он придвинулся еще ближе. —

Никогда не продавай свою колонку.

— Берт, а ты?

Он молчал. Потом отвалился от меня и снова зашатался. Криво подмигнул:

— Вот такой совет...

Развернувшись, как на шарнирах, он нетвердой походкой направился через вестибюль к лифтам. Я видел, как он стоял в освещенной кабине, сжимая в руке бутылку, и твердил: «Совет, совет...» Тяжелые двери сомкнулись. Я пожал плечами и, несколько озадаченный, двинулся обратно к «Блейз». Зашел в машбюро посмотреть, готов ли материал. Они еще не закончили. Просили зайти в понедельник.

Когда я снова вышел на улицу, там кричала женщина. Прохожие оборачивались. Резкий истерический крик перекрывал шум колес и визг автомобильных клаксонов. Вслед за другими я побежал посмотреть, в чем там дело.

На тротуаре, в пятидесяти ярдах от «Блейз», быстро собиралась толпа. Я еще подумал, что именно в этом месте недостатка в штатных репортерах не будет. Примчатся через секунду.

На асфальте лежал Берт. Мертвый. Плиты мостовой вокруг него были усеяны сверкающими бутылочными осколками, и острый запах алкоголя смешивался с вонью выхлопных газов.

— Он упал, упал! — Женщина была на грани истерики и кричала не умолкая. — Выпал из окна, я видела! Вон оттуда! Упал!

— Бог мой! — несколько раз подряд повторил Люк Джон. Похоже, событие действительно потрясло его. Дерри выложил на стол груду газетных вырезок и начал рассеянно собирать их в стопку.

- А Берт точно погиб? — спросил он.
- Его комната на седьмом этаже.
- Да... — Словно не веря, он покачал головой. — Бедный старик!

Nil nisi bene¹. Вот уж поистине резкая перемена в отношении!

Люк Джон выглянул из окна на улицу. Изуродованные останки Берта убрали. Мостовую вымыли. Ничего не ведающие прохожие бодро шагали по плитам, на которых он принял смерть.

— Он был пьян, — сказал Люк Джон. — Пьян, как никогда.

Сослуживцы Берта утверждали, что тот вернулся с ланча в совершенно невменяемом состоянии и просто выпал из окна. Нашлись и непосредственные свидетели происшествия — две девочки-секретарши. Они видели, как Берт, стоя у окна, хлестал виски прямо из горлышка, потом покачнулся, окно распахнулось, и он вывалился наружу. И удивляться нечему, если учесть, что Берт был пьян в стельку.

Но я вспомнил, с каким отчаянным упорством твердил он мне о каком-то совете. И призадумался.

ГЛАВА 2

Во внешности девушки, распахнувшей передо мной резную дверь особняка в стиле Тюдор в Вирджиния-Уотерс, меня поразили две особенности. Во-первых, ее осанка. Во-вторых, элегантность, с которой она была одета. И потом — цвет кожи. Кожа кофейно-медового оттенка, большие темные глаза и копна блестящих черных волос до плеч. Несколько широковатый в переносице нос и довольно крупный рот дополняли эту картину, над которой на славу потрудились негритянские и европейские гены.

- Добрый день, — сказал я. — Джеймс Тайрон. Я звонил.
- Входите, — кивнула она. — Гарри и Сара скоро будут.
- Что, до сих пор играют в гольф?
- Мм... — Она повернулась, улыбнулась слегка и сделала рукой приглашающий жест. — До сих пор завтракают, я полагаю.

Без десяти четыре... А почему бы, собственно, и нет?

Она провела меня через холл — прекрасно отполированный паркет, тщательно подобранные цветы, обтянутая кожей стойка

---

¹ О мертвых или хорошо, или ничего (*лат.*).

для зонтиков — в уставленную хризантемами гостиную с мебелью, обитой ситцем. Потолок украшали балки из темного дуба с машинной резьбой. На гладких кремовых стенах резким пятном выделялась одна-единственная картина — современное импрессионистское изображение какого-то космического взрыва. Масляные краски были наляпаны на холст щедрыми кусками.

— Располагайтесь. — Она повела изящной рукой в сторону пышного дивана. — Хотите выпить?

— Нет, благодарю.

— А я думала, журналисты только и знают, что пьянствуют день и ночь.

— Если вы пьете и пишете одновременно, перо теряет свою остроту.

— Пожалуй, — кивнула она. — Дилан Томас говорил: для того чтобы писать страстно, голова должна оставаться холодной как лед.

— Ну, это совсем другой класс. Немного повыше, — улыбнулся я.

— Но тот же принцип.

— Абсолютно.

Слегка склонив голову набок, она пристально рассматривала меня. Зеленое платье неподвижными складками стекало со стройного тела. Совершенно потрясающие ноги в новомодных сетчатых чулках были обуты в блестящие зеленые туфельки с золотыми пряжками. Единственным, кроме них, украшением служили золотые часы на широком браслете, охватившем правое запястье.

— Вы любите лошадей?

— Да, — сказал я.

— Еще полгода назад я и представить себе не могла, что буду ходить на скачки.

— Сейчас ходите?

— Жизнь круто изменилась в нашем захолустье с тех пор, как Гарри выиграл в лотерею Эгоцентрика.

— Вот именно об этом я и хотел бы написать.

Я приехал сюда за материалами для «Тэлли». И выбрал нетипичных владельцев скаковой лошади — Гарри и Сару Хантерсон. В этот момент они как раз появились в гостиной, внося с со-

бой смешанный аромат свежего воздуха спортивной площадки, запах дорогих сигар и недавно выпитого джина.

Гарри оказался крупным мужчиной лет шестидесяти, с властными манерами, несколько тяжеловесным обаянием и непоколебимой приверженностью к партии тори. Я понял, что читает он исключительно «Телеграф» и водит «ягуар» с автоматической коробкой передач. Он крепко пожал мне руку и осведомился, оказала ли мне его племянница должное гостеприимство. Я поблагодарил его.

Сара спросила:

— Гейл, милочка, почему же ты не предложила мистеру Тайрону выпить?

— Он отказался.

Две женщины обращались друг к другу подчеркнуто любезным, ледяным тоном. Сара была лет на тридцать постарше Гейл, но усердно трудилась, чтобы удержать природу в рамках. А как тщательно продуман был весь ее туалет — от красновато-коричневого платья с золотистой каймой до плотных коричневых туфель для гольфа! Лишь глубокая складка под подбородком выдавала все ухищрения. Злоупотребление гольфом и джином почти не оставило следов, разве что мелкие морщинки вокруг глаз. Рот сохранил свежесть и красивую форму. Подобная оболочка предполагала и богатое внутреннее содержание, но надежды эти были беспочвенны. Нельзя сказать, что Сара не являлась цельной натурой, ее суждения и поступки были столь же размеренны, упорядоченны и подражательны, как и вся обстановка в доме.

Гарри был возбужден только что выигранной партией, и разговорить его не составляло труда.

— Я, знаете ли, купил этот лотерейный билет на танцах, в гольф-клубе. Какой-то парень его продавал, приятель одного приятеля, что ли, ну я и дал ему фунт... Ну, знаете, как это всегда там, на танцах... В целях благотворительности... Я еще подумал, что целый фунт, пожалуй, слишком жирно за лотерейный билет, даже если играть на лошадь. Да и не нужна мне была никакая лошадь, заметьте себе! А потом, черт меня подери, взял да и выиграл ее! Целая проблема... Потом вдруг получилось, что эта самая лошадь меня оседлала! — Он захохотал, ожидая награды за шутку.

Я оказал ему должную поддержку. Выражение на лицах Сару и Гейл говорило, что фраза о том, как Гарри оседлала лошадь, произносилась в их присутствии неоднократно и они были готовы зубами скрежетать при каждом ее повторении.

— Расскажите о себе, — попросил я. — О своей семье и вообще о жизни.

— Вся биографию? — Он громко рассмеялся, оглядываясь на Сару и Гейл, словно ожидая поддержки с их стороны. Лицо его было отмечено своеобразной, несколько тяжеловесной красотой, разве что шея чересчур мясистая. Загорелая лысина и усы очень ему шли. — Биографию... — повторил он. — Откуда же начать?

— Начните с начала, с рождения, ну и так далее, по порядку.

Лишь знаменитости, которым часто приходится давать интервью, да еще крайне застенчивые люди способны устоять перед подобным соблазном. Глаза загорелись, речь полилась с энтузиазмом.

Родился он на окраине Суррея, в небольшом домике, раза в два меньше нынешнего. Ходил в дневную школу. В армию его не взяли, так как вскоре после окончания школы он заболел плевритом. Работал в Сити, в головном отделении одной финансовой компании, и с должности младшего клерка дошел до директорской, активно подбирая на этом долгом пути обрывки сведений, которые помогли ему сколотить скромный, но кругленький капиталец на фондовой бирже. Никаких темных делишек, никакого риска, однако вполне достаточно для того, чтобы поддерживать пристойный уровень жизни и после выхода на пенсию.

В двадцать четыре года он женился, а через пять лет в его автомобиль врезался грузовик и убил жену, трехлетнюю дочку и вдовую мать. В течение лет пятнадцати Гарри, активно приглашаемый на вечеринки и обеды, что называется, «присматривался». Наконец на каком-то собрании сторонников партии консерваторов встретил Сару, и три месяца спустя они поженились.

Жизнь Гарри шла, но событий в ней было мало. Ничего интересного для «Блейз» и очень немного для «Тэлли». Смирившись с этим, я спросил, намерен ли Гарри держать Эгоцентрика и дальше.

— Да, думаю, да. Он очень оживляет нашу жизнь.

— Каким образом?

— Приподнимает еще на несколько ступенек вверх, — холодно заметила Гейл. — Есть чем похвастаться на вечеринках.

Все обратили на нее свои взоры. По ее виду трудно было понять, нарочно ли она старается раздражить или разозлить их. На лице Гарри застыло неуверенное выражение. Ясно одно: она задела их за живое, и Сара не замедлила наказать ее за это.

— Гейл, детка, почему бы тебе не приготовить нам всем чаю?

Казалось, каждой жилочкой Гейл противится приказу. Наконец нарочито медленно она поднялась и вышла из комнаты.

— Славная девушка, — кисло заметила Сара. — Правда, иногда с ней бывает нелегко ладить.

Неискренность свела на нет ее улыбку, однако она сочла нужным продолжить и пустилась в откровения, прибегнуть к которым не упускала случая при любой возможности и с любимым, кто попадется под руку.

— Сестра Гарри замужем за адвокатом... Очень неглупый человек... но, знаете ли... африканец.

— Понимаю, — сказал я.

— Конечно же, мы очень любим Гейл, и вот, поскольку ее мать уехала на родину мужа, как только страна обрела независимость, и потом, раз девочка родилась в Англии и хотела остаться, мы решили... в общем, вот... она и живет здесь, с нами.

— Понимаю, — сказал я опять. — Здесь ей, должно быть, хорошо.

«Как это грустно, — подумал я, — что они считают нужным в чем-то оправдываться. Гейл в этом не нуждается».

— Она преподает в школе изобразительных искусств, в Виктории, — добавил Гарри. — Рисунок для мод.

— Моделирование одежды, — поправила Сара. — Она очень способная! Ее ученики получают призы и все такое. — В голосе ее звучало облегчение: я воспринял все нормально, и теперь ей хотелось поразить меня своим великодушием. Надо отдать ей должное — она приложила немало усилий для преодоления давних, въевшихся в плоть и кровь предрассудков. Жаль только, что она не в состоянии замаскировать свое чрезмерное старание.

— Ну а вы? — спросил я. — Расскажите мне о своей жизни. И что вы думаете об Эгоцентрике?

Ее судьба, начала она извиняющимся тоном, не столь интересна. Первый муж, оптик, умер за год до того, как она встретила Гарри, и вся жизнь, за исключением благотворительности, сводится к ведению дома. Она довольна, что Гарри выиграл лошадь, ей нравится бывать на скачках в роли владелицы, и она считает игру на скачках захватывающей, но ставка в десять шиллингов — ее предел.

Они с Гейл страшно забавлялись, придумывая костюм для жокея Гарри.

— А какие цвета?

— Пурпурные и бирюзовые вопросительные знаки по белому полю, бирюзовые рукава, красное кепи.

— Очень красиво, — улыбнулся я. — Теперь буду следить за ним на скачках.

Гарри сообщил, что тренер планирует провести Эгоцентрика еще через один тур соревнований до начала скачек на Золотой кубок. Может быть, тогда я и увижу лошадь.

— Может быть, — согласился я, и тут Гейл внесла чай.

Гарри и Сара торопливо осушили по три чашки, одновременно взглянули на часы и сообщили, что пора собираться на коктейль.

— Я, пожалуй, не пойду, — проговорила Гейл. — Вы извинитесь перед ними, но мне надо поработать. Могу заехать за вами, если хотите. Позвоните, когда соберетесь домой.

— Прежде чем мы попрощаемся, — сказал я, — мне хотелось бы взглянуть на все газетные вырезки, какие у вас есть. И фотографии.

— Ради бога, ради бога... — забормотал Гарри. — Гейл вам все покажет. Ладно, милочка? А сейчас надо бежать. Старина Марроу, заметьте себе, не кто-нибудь, а президент гольф-клуба... Рад был познакомиться. Надеюсь, вы узнали все, что необходимо... Звоните, если возникнут еще вопросы.

— Спасибо, — ответил я, но он уже исчез. Хантерсоны поднялись наверх, потом спустились в холл, входная дверь хлопнула, от дома отъехал автомобиль. Дом погрузился в тишину.

— Они не то чтобы пьяницы, — произнесла Гейл. — Просто живут от одной выпивки до другой.

Очередь Гейл объяснять. Однако в ее тоне я не уловил ни малейшего желания оправдываться, не то что у Сары.

— Наслаждаются жизнью, — откликнулся я.

Гейл приподняла брови:

— Правда? Да, пожалуй. Мне и в голову не приходило.

«Эгоистична, — подумал я. — Холодна. Бесчувственна... Все, что я ненавижу в женщинах. Все, что мне необходимо в женщине. Слишком соблазнительна».

— Посмотрите фотографии? — спросила она.

— Да, пожалуйста.

Она принесла альбом в дорогой коже, и мы перелистали его. Все газетные вырезки я знал. Ни одна из фотографий не оказалась достаточно изысканной для «Тэлли». Я сказал, что придется захватить еще раз с фотографом. Гейл отложила альбом и встала.

— Они позвонят от Марроу часа через два, не раньше. Можете, останетесь и выпьете чего-нибудь?

Я взглянул на часы. Поезда ходили через каждые тридцать минут. Ну, допустим, на следующий я не успею... Там была Элизабет. А здесь — Гейл. И времени всего час.

— Хорошо, — сказал я. — Остаюсь.

Она налила мне пива. И сама взяла стакан. Я снова сел на диван, а она грациозно опустилась на огромный бархатный пуф.

— Вы, конечно, женаты?

— Да.

— Все интересные мужчины обычно женаты.

— А вы почему не выходите замуж?

В улыбке блеснули белые влажные зубы.

— А-а... С этим можно подождать.

— И долго ждать?

— Ну, думаю, пока не встречу человека, расставания с которым не смогу перенести.

— А вы уже расстались с несколькими?

— Да, с несколькими. — Она кивнула, глотнула пива и вызывающе посмотрела на меня. — А вы? Вы не изменяете жене?

Я заморгал. И ответил осторожно:

— Почти нет.

— А иногда?

— Нечасто.

Выдержав долгую задумчивую паузу, она коротко произнесла:

— Хорошо.

— Это что же, прикажете рассматривать как философское замечание или как конкретное предложение?

Она рассмеялась:

— Просто хочу четко представлять ситуацию.

— Чтобы знать, на что рассчитывать.

— Ненавижу всяческую неразбериху, — кивнула она.

— Особенно, наверное, эмоциональную неразбериху.

— Вы правы.

«Она никогда не любила, — подумал я. — В ее жизни был секс, но любви не было. Как раз то, что мне нужно». Я поборол коварный внутренний голос и задал типично журналистский вопрос о работе.

— Работа как работа. — Она пожала плечами. — Из ста студентов, может быть, один по-настоящему талантлив. По большей части амбиций у них в пять раз больше, чем идей.

— А сами вы занимаетесь моделированием одежды?

— Почти нет. Придумываю иногда что-нибудь для себя или для Сары. Мне нравится преподавать. Доводить художественное невежество до уровня подлинного мастерства.

— И замечать потом отголоски своих идей по всей Оксфорд-стрит?

Она кивнула, глаза ее блестели и улыбались.

— Сейчас на пяти крупнейших фабриках готового платья работают мои ученики. Стиль одного из них настолько индивидуален, что, глядя на витрину, можно безошибочно отличить его работы от других.

— Я вижу, вам нравится осознавать свою власть?

— А кому-то не нравится?

— Как сказать...

— Власть всегда разлагает? — Голос ее звучал саркастически.

— Каждого в своей мере. Интересно знать, в чем ваша слабость?

Она засмеялась:

— Деньги, я думаю. Преподавателям их вечно не хватает.

— Но зато у вас есть власть.

— Надо же иметь хоть что-нибудь, раз нельзя получить все.

Я опустил голову, чувствуя, как исказилось мое лицо. Трудно подобрать более точные слова для обрисовки положения, в котором я пребывал вот уже одиннадцать лет.

— О чем задумались? — спросила Гейл.

— О том, как бы заполучить вас в постель.

Она, казалось, онемела от возмущения. Я поднял глаза, готовый к любым проявлениям женского самолюбия. Ведь я мог и ошибиться в ней.

Но я не ошибся. Она смеялась. Польщенная.

— Весьма откровенно.

— Ага.

Я поставил стакан на стол и поднялся, улыбаясь:

— Опаздываю на поезд.

— Уходить? После таких-то откровений?

— Именно после таких.

Вместо ответа она приблизилась, взяла меня за руку и вложила пальцы в золотое кольцо, венчавшее застежку-молнию у нее на платье.

— Иди сюда.

— Но мы знакомы всего три часа, — запротестовал я.

— Однако раскусил ты меня через три минуты.

Я отрицательно помотал головой:

— Три секунды.

Зубы ее блеснули.

— Мне нравятся незнакомцы.

Я потянул кольцо вниз и понял, что именно этого она и ждала.

Мы лежали рядом на белом пушистом ковре. Казалось, весь мир отлетел куда-то на миллион световых лет, и я не торопил его возвращение.

— А что, твоя жена тебя не слишком балует?

«Элизабет, — подумал я, — о господи, Элизабет! Но иногда, хотя бы иногда...»

Столь хорошо знакомое ощущение вины захлестнуло меня горячей волной. Мир снова придвинулся вплотную.

Я сидел, слепо всматриваясь в темнеющую комнату. Гейл, видимо, поняла, что допустила бестактность, со вздохом поднялась и не сказала больше ни слова.

«В горе и радости, — с болью думал я. — В бедности и богатстве. В болезни и благополучии буду с тобой, только с тобой, пока смерть не разделит нас».

Так я поклялся. В ту пору клятвы давать было легко. Но я не сдержал слова. Гейл была четвертой за одиннадцать лет. И первой почти за три года.

— Будешь так сидеть и дальше, опоздаешь на поезд, — прозаически заметила она.

Я взглянул на часы: оставалось пятнадцать минут.

Она вздохнула:

— Так и быть, подвезу тебя до станции.

Мы успели с запасом. Я вышел из машины и вежливо поблагодарил.

— Еще увидимся? — спросила она. Без всякой заинтересованности в голосе. Ей просто нужна была информация.

Как далека и холодна была она по сравнению с той женщиной на белом ковре! Включилась, выключилась. Как раз это меня и устраивало.

— Не знаю, — нерешительно пробормотал я. Светофор на краю платформы загорелся зеленым.

— До свидания, — спокойно сказала она.

— А что, Гарри и Сара всегда играют в гольф по воскресеньям? — осторожно спросил я.

— Всегда.

— Тогда, может быть...

— Может, позвонишь, а может, нет, — кивнула она. — Что ж, по крайней мере, это честно. А я, может, буду дома, а может, нет. — Отчужденно улыбаясь, она смотрела на меня через опущенное боковое стекло.

О, такая не зарыдает, если я не появлюсь! Но если приеду — примет.

Она подняла стекло и отъехала. Не махнув рукой, не обернувшись.

Зеленая гусеница электропоезда тихо подползла к станции, чтобы унести меня домой. Сорок минут до вокзала Ватерлоо, потом на метро до Кингс-кросс. И три четверти мили пешком.

— Вы опоздали, — произнесла мать Элизабет с заранее рассчитанной долей раздражения.

— Извините.

Я наблюдал, как она сердито, рывками, натягивает перчатки. Пальто и шляпа были уже на ней.

— Поразительная беззаботность! Пока доберусь до дома, будет почти одиннадцать.

Я промолчал.

— Эгоист. Все мужчины эгоисты.

С ней не было смысла ни соглашаться, ни спорить. Неудачное и кратковременное замужество оставило в ее душе незаживающие раны, которые она усердно демонстрировала перед единственной дочерью. Когда я познакомился с Элизабет, та панически боялась мужчин.

— Мы ужинали, — сказала теща. — Посуду я оставила миссис Вудворд.

Не было ничего радостнее для миссис Вудворд, как обнаружить в понедельник утром груды грязных тарелок с застывшим на них жиром.

— Прекрасно, — ответил я, фальшиво улыбаясь.

— До свидания, Элизабет! — крикнула она.

— До свидания, мама!

Я распахнул перед ней дверь.

— Ну, до следующего воскресенья!

— Рад буду видеть вас.

Она желчно улыбнулась, зная, что я лгу. Днем ее посещений было воскресенье. Далеко не каждую неделю я мечтал видеть ее в нашем доме. Но в следующий раз это даст мне возможность поехать в Вирджиния-Уотерс. В размышления о том, как воспользуюсь своей свободой, я постарался не углубляться. Она удалилась, а я подошел к Элизабет и поцеловал ее в лоб:

— Привет.

— Привет, — ответила она. — Удачно провел день?

Удар, от которого перехватило дыхание.

СОДЕРЖАНИЕ

СТАВКА НА ПРОИГРЫШ	
<i>Перевод Н. Рейн</i>	5
РАССЛЕДОВАНИЕ	
<i>Перевод С. Белова</i>	211
ПЕРЕЛОМ	
<i>Перевод И. Куберского</i>	415
ДЬЯВОЛЬСКИЙ КОКТЕЙЛЬ	
<i>Перевод А. Хромовой</i>	607